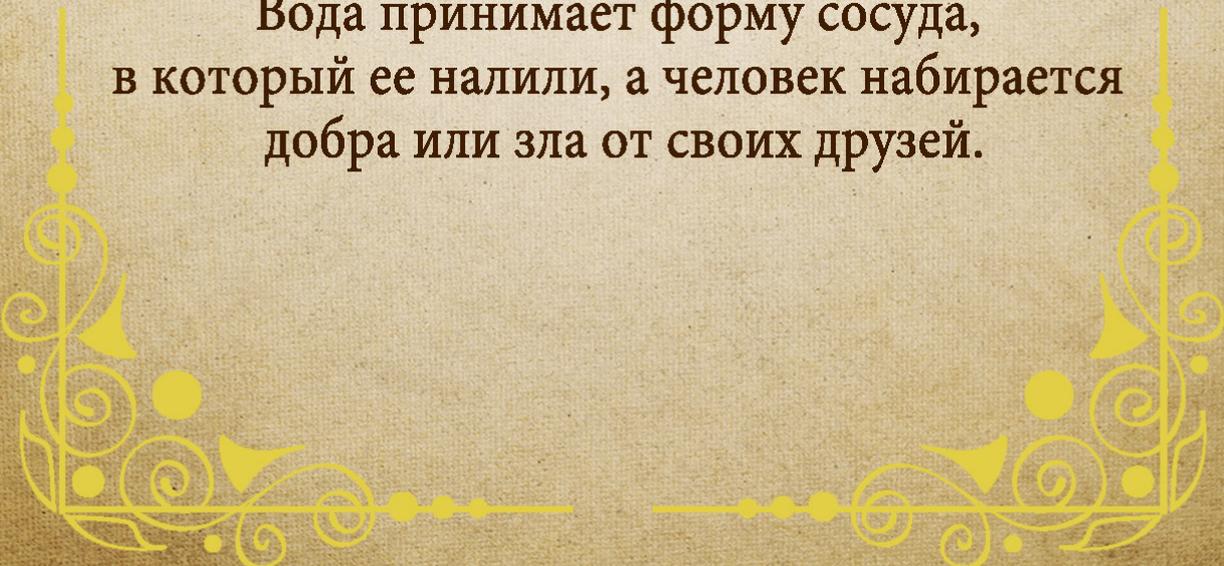

Книга о Пути Жизни
Дао-Дэ цзин
ЛАО-ЦЗЫ

Вода принимает форму сосуда,
в который ее налили, а человек набирается
добра или зла от своих друзей.

Исключительная книга мудрости

Лао-цзы

**Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин).
С комментариями и объяснениями**

«АСТ»

УДК 355.4
ББК 68

Лао-цзы

Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). С комментариями и объяснениями / Лао-цзы — «АСТ», — (Исключительная книга мудрости)

ISBN 978-5-17-109221-4

«Книга о пути жизни» Лао-цзы, называемая по-китайски «Дао-Дэ цзин», занимает после Библии второе место в мире по числу иностранных переводов. Происхождение этой книги и личность ее автора окутаны множеством легенд, о которых известный переводчик Владимир Малявин подробно рассказывает в своем предисловии. Само слово «дао» означает путь, и притом одновременно путь мироздания, жизни и человеческого совершенствования. А «дэ» – это внутренняя полнота жизни, незримо, но прочно связывающая все живое. Главный секрет Лао-цзы кажется парадоксальным: чтобы стать собой, нужно устранить свое частное «я»; чтобы иметь власть, нужно не желать ее, и т. д. А секрет чтения Лао-цзы в том, чтобы постичь ту внутреннюю глубину смысла, которую внушает мудрость, открывая в каждом суждении иной и противоположный смысл. Чтение «Книги о пути жизни» будет бесплодным, если оно не обнаруживает ненужность отвлеченных идей, не приводит к перевороту в самом способе восприятия мира.

УДК 355.4

ББК 68

ISBN 978-5-17-109221-4

© Лао-цзы

© АСТ

Содержание

Предисловие переводчика	7
Канон пути	14
Глава 1	14
Глава 2	16
Глава 3	17
Глава 4	18
Глава 5	19
Глава 6	20
Глава 7	21
Глава 8	22
Глава 9	23
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	27
Глава 13	28
Глава 14	29
Глава 15	30
Глава 16	32
Глава 17	33
Глава 18	34
Глава 19	35
Глава 20	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лао-цзы

Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин)

© В. В. Малявин, перевод, составление, предисловие, комментарии, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие переводчика

Древний китайский мудрец Лао-цзы и его книга, называемая по-китайски «Дао-Дэ цзин», не нуждаются в рекомендации. Утверждают, что книга Лао-цзы занимает после Библии второе место в мире по числу иностранных переводов. Происхождение этой книги и личность ее автора, как легко догадаться, окутаны множеством легенд.

В официальной биографии таинственного старца, которую в начале I в. до н. э. написал великий историк древнего Китая Сыма Цянь, фактически объединены рассказы о трех разных лицах. Сначала Сыма Цянь пересказывает родословную даосского патриарха, который, как он сообщает, носил фамилию Ли, а имя Эр (что значит «ухо») и был выходцем из южных краев тогдашней китайской ойкумены, причем из какой-то особенно несчастливой местности: родился он в деревне Цюжэнь (букв. «искривленная доброта») в местечке Ли («жестокое») уезда Ку («горький»). Этот Ли Эр прожил долгую и неприметную жизнь, много лет занимая должность хранителя архивов при дворе правителя царства Чжоу, что весьма располагает, с одной стороны, к письменному творчеству, а с другой – к скептическому взгляду на политику и человеческую историю вообще. Во всяком случае, с древности в Китае укоренилось мнение о том, что школа даосов была детищем придворных историографов.

С жизнью Ли Эра связано несколько необычных историй. Считалось, что Лао-цзы принимал у себя Конфуция, который поклонился ему как учителю и расспрашивал его о ритуалах, еще точнее – о погребальных обрядах. Лао-цзы в своем ответе – по крайней мере так, как он записан у Сыма Цяня, – ничего не сказал про ритуалы, а просто, как подобает старшему и умудренному жизнью человеку, отчитал наивного посетителя: «От тех, кто тебе интересен, уже давно и костей не осталось! Нам известны только их слова. Однако же, если благородный муж схватывает свое время, то ездит в экипаже чиновника. А если он свое время не может схватить, то блуждает по жизни, словно сухой лист, гонимый ветром. Я слышал, что у доброго купца, даже если он владеет большими сокровищами, дом кажется пустым, а благородный муж, даже обладая сполна добродетелью, с виду кажется глупцом. Отринь свою гордыню, свои многочисленные желания, свое чванство и суетные помыслы. Ничего из этого не принесет тебе пользы!»

Рассказ о встрече Конфуция с Лао-цзы появился довольно рано и, возможно, имеет под собой какие-то исторические основания. Во всяком случае, последователи и потомки Конфуция с древности признавали, и даже с готовностью, что Учитель Кун просил у чжоуского архивиста наставлений, молчаливо соглашаясь тем самым, что даже величайший мудрец всех времен мог нуждаться в наставлениях и, стало быть, учиться никому не вредно. Было и еще одно обстоятельство, подмеченное в древности: допуская, что «учитель всех времен» сам учился у неприметного архивиста, конфуцианцы давали понять, что настоящая мудрость не совпадает с мирским успехом, и тем самым оправдывали неудачу самого Конфуция на политическом поприще. Ну а Лао-цзы? Нет ни малейшего намека на то, что у него был учитель. Оно и понятно, ведь Лао-цзы учил следовать простейшей данности жизни, «таковости» всякого существования. Своего учителя он находил очень просто – «оставляя свое сознание в покое». Но все дело в том, что самое простое дается людям как раз труднее всего.

Без учителя и учеников, стоящий в стороне от всех, этот «темный» поклонник всего естественного и спонтанного сумел слиться с китайским укладом жизни в его самых глубоких и общих основаниях. Если в такой судьбе даосского патриарха есть своя закономерность, то она странным образом перекликается с заветами самого Лао-цзы, учившего о жизни, текущей до и помимо всякого понимания, о мгновенных, непознаваемых схождениях, «воздействиях-откликах» разных планов бытия. Столь радикальное соответствие мысли и собственной жизни – привилегия немногих гениев.

Почти все прочие сведения в рассказе китайского историка явно относятся к области легенд: Ли Эр, предчувствуя гибель чжоуской династии, оставляет службу и «возвращается к себе», где «живет затворником». В конце концов, предвидя грядущую смуту, он уезжает верхом на «темном быке» в пустынный Западный край. Когда бывший архивариус прибывает на пограничную заставу, ее начальник, которого якобы звали Инь Си, просит старца оставить людям в наследство свои наставления, поскольку «Великий Путь вот-вот скроется в мире». И Лао-цзы, взойдя на смотровую башню, в один присест написал свою знаменитую «книгу из пяти тысяч слов». Засим он «ушел в пески, и никто не знает, как он окончил свои дни». А начальник пограничной стражи стал первым учеником Лао-цзы и восприемником его мудрости. Как сказано о даосском патриархе и его не менее таинственном последователе в сборнике жизнеописаний даосских святых, они «вдвоем миновали зыбучие пески и вместе возвратились в царство чудесных свершений».

Впрочем, исчезновение основоположника даосизма в Западной пустыне и отсутствие его могилы в Китае не помешало Сыма Цяню назвать его посмертное имя: Дань. В позднейших преданиях даже утверждается, что Лао-цзы выехал только из западной заставы владений Чжоуского государя – формально верховного властителя тогдашнего Китая – и далеко не уехал. С древности известно и место предполагаемого захоронения даосского патриарха: оно находится в уезде Чжоучжи провинции Шэньси. Появилось оно, как и положено предметам легендарным, не сразу. Если Сыма Цянь еще ничего о нем не знал, то уже в первые столетия н. э. одну из гор на западных рубежах чжоуских владений в народе называли «холмом Лао-цзы». С недавних пор там даже соорудили туристический аттракцион с мемориальной плитой на могиле мудреца, храмом в его честь и т. д.

Романтическое предание об отъезде Лао-цзы на Запад, кажется, и вовсе основано на недоразумении. В западных царствах не существовало должности «начальника пограничной заставы», а имя Си (букв. «радость») скорее всего означает в оригинале: «радостно сказал». И даже если бы почтенный Ли Эр действительно написал одним махом свою книгу, при тогдашней постановке книжного дела и неупорядоченности письма у него не было никаких шансов передать свой труд потомкам в неискаженном виде.

Еще одна версия биографии Лао-цзы отождествляет последнего с неким мудрецом по имени Лао Лай-цзы, тоже уроженцем царства Чу и даже земляком таинственного Ли Эра. Этот Лао Лай-цзы якобы жил «в одно время с Конфуцием» и написал какую-то «книгу из 15 глав, в которой поведал, как применять учение о Дао». Но об этом лице больше нет никаких сведений.

Наконец, третья версия изображает Лао-цзы дворцовым архивистом по имени Дань (записывается другим иероглифом), который жил спустя более века после смерти Конфуция, разуверился в возрождении Чжоуской династии, после чего ушел на Запад и имел аудиенцию у правителя царства Цинь Сянь-гуна, которому предрек возвышение Цинь по прошествии 70 лет.

Недавно появился новый, и самый интригующий, взгляд на Лао-цзы, согласно которому имя Ли Эр является неправильной записью прозвища Лао-цзы, которое означало на южном диалекте «тигренок», поскольку Лао-цзы родился в год тигра (572 г. до н. э.) и жил в царстве Сун, где действительно существовала фамилия Лао. Как раз в год рождения Лао-цзы царство Сун подверглось нашествию войска царства Чу, и многие его мужчины были убиты в сражении, что, возможно, дало повод для появления легенд о том, что Лао-цзы родился без отца.

Попытки определить время и место создания «Дао-Дэ цзина» исходя из содержания и лингвистических особенностей самого памятника до сих пор не дали конкретных результатов. В книге ни разу не упоминаются чьи-то имена или названия местностей, нет ни одной отсылки к историческим событиям, отсутствуют и сколько-нибудь надежные внутренние критерии ее датировки. Конечно, в ее тексте есть образы и лексические обороты сравнительно позднего происхождения, но это не означает, что в своей основе «Дао-Дэ цзин» не мог появиться срав-

нительно рано. Едва ли не единственным более или менее объективным, хотя и расплывчатым, лингво-хронологическим признаком является принятая в тексте система рифм. Исследования этого аспекта даосского канона, а также его лексических особенностей говорят в пользу его раннего происхождения или, точнее, о его близости рифмам, принятым в древнейшем китайском каноне «Книга Песен», сложившемся при дворе Чжоу. В то же время исследования лексикологии даосского канона позволили обнаружить в его тексте около трех десятков случаев употребления диалектизмов, относящихся к южнокитайскому царству Чу. Итак, автор «Дао-Дэ цзина» был хорошо знаком с южнокитайским диалектом той эпохи, как, впрочем, и с традициями чжоуской словесности.

Как бы там ни было, в лице Лао Дая – Ли Эра мы имеем дело с основоположником великой религиозной традиции, и вокруг этой личности сложилась обширная житийная литература. Еще в доимперский период имя Лао-цзы оказалось тесно связанным с именем легендарного Желтого Императора, знатока секретов бессмертия, и Лао-цзы стал одним из покровителей древних магов, гадалок и искателей вечной жизни. Эти качества Лао-цзы привлекали к нему интерес многих императоров Древнего Китая, мечтавших о физическом бессмертии. Позднейшие предания наделяют Лао-цзы как космической, так и человеческой ипостасями. Он предстает олицетворением предвечного Пути и чистой энергии мироздания. С помощью волшебного зеркала он отделяется от себя и входит в чрево некой Сокровенной Яшмовой Девы, тем самым «превратив свое тело чистой пустоты в тело своей земной матери по фамилии Ли». А вошел он в свою мать в виде звездочки или «разноцветной жемчужины», упавшей с неба. В материнской утробе Лао-цзы провел 81 год, безостановочно читая свою книгу из 81 главы. Он вышел из левой подмышки матери и при рождении имел седые волосы. Появившись на свет, Лао-цзы сделал девять шагов, преображаясь с каждым шагом. Он отличался необыкновенно высоким ростом, имел «квадратный рот», 48 зубов и три отверстия в ухе. В земной жизни он развивался наперекор естественной эволюции и год от года молодел.

Многими красочными деталями обросла и легенда об отъезде Лао-цзы на Запад. Инь Си превращается в мудреца, который, увидев мчавшееся на запад фиолетовое облако, понимает, что нужно ждать появления великого мудреца на западной заставе. Он добивается у чжоуского правителя назначения на должность ее начальника, а накануне приезда даосского патриарха приказывает подмести дорогу перед заставой и зажечь вдоль нее благовония, после чего, облачившись в парадные одежды, со всем почтением встречает дорогого гостя. У самого Лао-цзы появляется слуга по имени Сюй Цзя, который, как и подобает в такого рода сюжетах, не отличается ни умом, ни добродетелью. Этот Сюй Цзя подпал под чары некой красавицы и стал требовать от хозяина расчета. Лао-цзы наказывает своего глупого помощника весьма неординарным способом: заставляет его открыть рот, из которого вываливается подаренный ему хозяином эликсир бессмертия, отчего Сюй Цзя тотчас превращается в грудку костей. Совместно с начальником заставы Лао-цзы возвращает слуге жизнь в качестве платы за его службу, а сам уходит на Запад, где, как позднее стали утверждать даосы, принял облик Будды.

Для исследователя философского содержания «Дао-Дэ цзина» гораздо больший интерес представляет тот факт, что Лао-цзы и другие древние даосы предстают мыслителями без собственной школы, личностями одиночными и таинственными, несмотря на широкую известность их писаний. Позднейшие даосы объясняли отсутствие отдельной школы Лао-цзы очень просто и по-своему убедительно. Они утверждали, что ученики Лао-цзы стали бессмертными небожителями и скрытно пребывают среди людей, подбирая себе учеников. Однако посвященные в таинства Дао «не должны открывать наставления учителя даже за тысячу серебряных слитков». Но взглянем на вопрос по существу: какую школу и тем более идеологическую «партию» может создать мыслитель, который призывает подняться над условностями культуры и всякой аргументации, прославляет «жизнь как она есть», в ее неисчерпаемом разнообразии и спонтанности, а себя уподобляет младенцу, восхищенно и бесстрастно взирающему на мир? В тексте

даосского канона мы находим прямые указания на то, что мудрый смотрит глубже всякой точки зрения и всегда поступает «наоборот». Лао-цзы призывает вернуться к тому, что «таково само по себе», некой спонтанности жизни, которая, очевидно, не может быть выражена в понятиях. Совершенно закономерно Лао-цзы соединяет эту интуицию чистой актуальности существования с народным бытом, даже поэтизирует эту анонимную стихию. Его премудрый человек «в своем постоянном отсутствии помыслов принимает в себя помыслы народа». Это не значит, конечно, что он эти помыслы разделяет. Людям вообще-то свойственно куда больше интересоваться «хитростью разума», чем наслаждаться безыскусностью жизни. Вот здесь мы наталкиваемся на фундаментальную проблему понимания Лао-цзы. Не имея своей особой «точки зрения», даже не имея «предмета» сообщения, даосский патриарх, по его собственным словам, только «нехотя», «вынужденно», «предположительно» пользуется естественным языком, и притом пользуется им как нельзя более естественно, говорит, по собственному признанию, просто и общедоступно. Но он говорит о неназываемом и поэтому... ничего не говорит. Это значит: говорит немногословно и загадочно. Речь Лао-цзы есть как бы одно большое сказание «ни о чем» или, если угодно, о том, что дается, задано нам прежде всех понятий и останется с нами после того, как все понятия пройдут. О чем бы ни говорил этот «темный» мудрец, он говорит о «другом» и все же говорит именно то, что говорит.

Как словесная фигура речь Лао-цзы есть *анафора*, некий паразытик, сам себя упраздняющий, но и вечно возобновляющийся в своем самоупразднении: несотворенное не может быть и уничтожено. Такая мыслительная посылка требует говорить, по слову самого Лао-цзы, «как бы наоборот», не ища опоры в знании и опыте, не держась за собственные постулаты. Истина Лао-цзы настолько безыскусна и безусловна, что ею не может владеть ни одна школа, ни даже он сам! Она принадлежит всем и никому, не противоречит ни одной доктрине и не совпадает ни с одним мнением. Согласимся: не так-то просто спорить с тем, кто говорит только для того, чтобы упразднить собственное суждение! Да и не будет такой мыслитель ни с кем спорить. Его интересуют лишь глубины его собственного опыта.

Теперь мы можем по-новому взглянуть и на уход Лао-цзы на Запад. Перед нами на самом деле аллегория претворения себя в полноту родовой жизни. Лао-цзы ушел, чтобы вернуться; он исчез только затем, чтобы стало возможным явление истины, присутствующей *здесь и сейчас*, и настоящим памятником Лао-цзы – единственному из древних мудрецов Китая, имеющему только *символическую* могилу, – стал сам уклад китайской цивилизации, безмерная мощь его многотысячелетней традиции. Охотно верится в то, что Лао-цзы, согласно преданию, был знатоком именно поминальных обрядов: его мудрость и есть не что иное, как памятование незапамятно-непреходящего.

Вот где таится главный секрет Лао-цзы: чтобы стать собой, нужно устранить себя; чтобы получить власть, нужно не желать (именно: не желать) власти. Здесь обнаруживается неформулируемая связь между нравственным совершенством и царским могуществом. А секрет чтения Лао-цзы заключен в постижении той внутренней глубины смысла, которая внушает мудрость, ни с кем не вступая в спор, все понимая *наоборот*. Лао-цзы, напомним еще раз, сам утверждает, что он «не такой, как другие». Он живет с миром вне мира; мир не властен над ним.

Композиционно «Дао-Дэ цзин» состоит из 81 афоризма, или «главы». Число явно символическое, соответствующее вершине творческого начала мироздания (9х9). Считалось также, что изначально даосский канон включал в себя ровно пять тысяч знаков. Книга разделяется на две части: «Канон Пути (Дао)» и «Канон Совершенства (Дэ)». Внутри отдельных глав легко различить разные стилистические и смысловые слои. Нередко в них имеются вступительные афоризмы, определяющие тему главы, и афоризм завершающий, формулирующий вывод из предшествующего рассуждения. Ядро главы составляют иллюстрации темы, нередко включающие в себя более отвлеченное понятие. Повсюду господствует стилистика афоризма, в которой

наиболее значимыми являются как раз безмолвие, пауза, разделяющие и обступающие слова. Читателю предлагается самостоятельно постичь неизъяснимое.

В последние десятилетия в двух местах Центрального Китая – сначала в Мавандуе, а затем в Годяне – были обнаружены древние списки «Дао-Дэ цзина», местами существенно отличающиеся от традиционной версии. Данные этих находок были учтены в предлагаемом здесь переводе.

В современной семиологии после Р. Барта принято противопоставлять произведение и текст. Мы можем сказать, что в «Дао-Дэ цзине» модус текста решительно преобладает над модусом произведения. Обостренный интерес древних китайских переписчиков к числу знаков в этой книге и в ее отдельных частях (в мавандуйских списках численность иероглифов в каждой части обозначена особо) красноречиво об этом свидетельствует. Текст и есть не что иное, как пространство *рассеивания* смысла, его растворения в пустотной цельности бытия. Не существует «доктрины Лао-цзы». Книга «темного» мудреца выражает не тот или иной предметный смысл, а чистый жизненный порыв, пульсацию живого тела бытия, случайность, прервосходящую всякое правило.

Удивительное свойство «Дао-Дэ цзина» состоит в том, что его текст обнажает производность произведения. Возможно, именно поэтому наследие Лао-цзы долгое время не было вовлечено в доктринальные споры. В даосской же традиции этот примат текстового начала породил одну важную особенность культурного бытования главного даосского памятника: его полагалось читать громко, нараспев и по возможности непрерывно – и наяву, и даже во сне. А все потому, что в тексте канона воплотилось *реальное* жизни, всегда отсутствующее в мысли. Непрерывное чтение «Дао-Дэ цзина» позволяло как бы телесно усвоить его текст, делало канон нормативной инстанцией опыта переживания и, можно сказать, животворения жизни. Один из ранних даосских текстов обещает, что тот, кто прочитает «канон пяти тысяч слов» десять тысяч раз, узрит воочию самого Лао-цзы.

Мистическое отношение даосов к своему канону напоминает о том, что перед нами не просто изложение тех или иных взглядов, что чтение «Дао-Дэ цзина» бесплодно, если оно не обнаруживает вдруг ненужность своих идей, не приводит к радикальному перевороту в самом способе восприятия мира, и притом такому, который освобождает нас от оков самоутверждающегося интеллекта и позволяет прозреть истину как бы по ту сторону нашего понимания и, значит, в непосредственной, простейшей данности жизни.

В таком случае выражение «загадка Лао-цзы», которое кажется на первый взгляд журналистским штампом, приобретает для нас глубокий и отчасти даже – страшно сказать! – юмористический смысл. Мудрость перемен, исповедуемая Лао-цзы (а вслед за ним и всей китайской традицией), требует признать реальностью *самоотсутствие* мысли, искать единство в акте умственного «рассеивания», в бесконечном богатстве разнообразия – принципиально непонятном. Для даосского патриарха мысль и бытие – одно, но Лао-цзы – мастер «темных речей», потому что у него не язык навязывает свой порядок бытию, а само бытие проступает сквозь язык.

Итак, истина Лао-цзы обосновывается актом превозмогания или, лучше сказать, претворения субъективности в полноту бытия. Это истина именно бытийствующая; она жива и деятельна тогда, когда не предъявлена умозрению. И сам образ «Лао-цзы» в китайской традиции есть только заместитель отсутствующей реальности, своеобразная антиикона, которая устанавливает различие в видимом сходстве, стирает самое себя, маскирует собственную маску. Не следует ли сказать в таком случае, что наследие Лао-цзы только и может жить как (ис)толкование, загадочные иносказания, умение говорить «наоборот» и с точки зрения общепринятых значений «невыпадать»? Древние глоссы, определяющие смысл терминов по, казалось бы, случайному признаку омонимии, и в еще большей степени вновь открытые древние списки «Дао-Дэ цзина», где большая часть знаков записана по принципу того же фонетического заимство-

вания, с особенной наглядностью свидетельствуют о присутствии в «темных» речах даосского патриарха неисповедимого «прародителя» всех значений, этого сокровенного истока бесконечной игры смысла. Оpozнание этой преобразовательной силы языка превращает текст в тайнопись и заклинание. Не случайно поэтому канон в Китае, как мы уже знаем, воспринимался как пред-словесный – или, если угодно, за-словесный – прообраз мироздания. Лао-цзы «наставляет без слов» не потому, что ему нечего сказать, а потому, что он способен, как гласит чань-буддийская сентенция, «все сказать, прежде чем откроет рот». Знаменитая начальная сентенция «Дао-Дэ цзина» служит тому наглядной иллюстрацией: объявляя все слова пустыми, она как бы возвращает мысль к истоку всего сказанного. Первая фраза канона оказывается, в сущности, и последней. Для даосского патриарха каждое слово – лишнее.

Такая позиция Лао-цзы до некоторой степени предопределена особенностями китайского текста с его относительной семантической самостоятельностью каждого иероглифа, очень слабо развитыми морфологией и синтаксисом. Но языковая специфика в данном случае находит прямое продолжение в характере мышления даосского патриарха. Мысли Лао-цзы свойственно «ходить кругами», следуя некоему центростремительному движению. Это мысль, выражающая принцип, как говорил сам Лао-цзы, «удержания срединности», проникнутая почти инстинктивным стремлением уйти в глубину, в тень и так сохранить и укрепить свои жизненные силы, а следовательно, власть. Ибо власть действительна, когда она не видна.

Итак, Лао-цзы может говорить лишь тогда, когда мысль открывается не-мыслимому. Он говорит по праву не-говорения. Между его отдельными суждениями как будто нет логической связи, но все сказанное им проникнуто внутренней преемственностью. Принцип «удержания срединности» у Лао-цзы означает претворение в каждый момент времени полноты всеединства.

Академическая наука, так жаждущая понимания, немало преуспела в том, чтобы сделать наследие Лао-цзы непонятым и неинтересным широкому читателю именно потому, что всегда стремилась установить предметный смысл речений провозвестника Великого Пути. Но ни метафизические или мифологические теории, ни математические схемы не раскроют той последней глубины смысла, которой странные писания «Старого Ребенка» обязаны своей долгой жизнью. Структура сказки никому не интересна, кроме горсти кабинетных ученых. Сказка всегда будет интересна детям. Но сознание пробудившееся будет вечно интересоваться той неисповедимой бездной, тем предвосхищающим все сущее зиянием, которые отверзаются в нашем опыте, когда начинает звучать *осмысленная* речь.

Лао-цзы сродни ребенку в том смысле, что живет в сердечной *близости* с миром и лелеет по-детски целомудренное нежелание разбивать обыденно-безличным словом полноту и цельность бытия. Вот почему, чтобы прочесть «Дао-Дэ цзин», мало быть грамотным, а чтобы понять его – мало уметь логически мыслить. Здесь требуется, как заявляет сам Лао-цзы, идти всегда другим, *обратным* путем: разучиться читать и думать и научиться открывать себя истоку происходящего, разучиться накапливать и научиться «каждый день терять» и... давать жизни жить.

Лао-цзы называет Путь «предельно малым» и «мельчайшим», ибо природа сознания и есть предельная конкретность. Между тем в позднейшей даосской литературе Путь часто приравнивался к неисчислимо малой «паузе», «перерыву» (*си*) в опыте. Речь идет, в сущности, о бесконечно малой длительности кругового движения «от себя к себе», событию вечного (не)возвращения. Путь никогда не является данностью, но как бы непрерывно приходит, в нем все исчезает прежде, чем проявится вовне, и поэтому его истина постигается не умом, а *сердцем*. Это момент откровения, открывающего внутреннюю правду и скрывающего внешнее правдоподобие. Откровение Лао-цзы есть постижение бытийственной основы языка как события – схождения вещей несоизмеримых и несовместных: предельной конкретности и высшего единства, глубинности глубины и явленности яви.

«Диалектика» Лао-цзы не просто придана его речи в качестве некоего «понятийного аппарата», а встроена непосредственно в ее семантику. Сокрытие, чтобы воистину быть собой, должно сокрыться и стать... пределом явленности. Потеря должна быть потеряна и стать чем-то вездесущим и неизбывным и т. д. Парадоксы Лао-цзы, в которых сторае обыденный смысл слов, возвращают к безыскусности речи как вестника бытия, зова настоящего в настоящем. Это движение свершается само собой, повинувясь внутренней логике самого смысла. И язык Лао-цзы не был бы воистину символичен, если бы его неизменная ино-сказательность не отсылала бы к чистой выразительности слова *как оно есть*, отменяющей (*как бы* отменяющей!) все фигуры речи, выводящей глубину метафор на поверхность смысла. Этому «возвращению к актуальности» в тексте «Дао-Дэ цзина» соответствуют, казалось бы, обыденные, вполне тривиальные суждения, которые кажутся результатом наблюдений над повседневной жизнью и напоминают бесхитростные народные поговорки. Нередко они помещены в начале или в конце предложения, как бы обрамляя собой парадоксы, обнажающие внутреннюю *глубину* кружной и кружащей мысли о Великом Пути.

Истина Лао-цзы – это само действие, но действие невероятно тщательное, тщательное до полной беспредметности и потому как бы... бездеятельное. Даосский канон – это не система умозрения, но и не руководство к действию, а скорее указание на сами условия действительности действия. Он есть повод к нескончаемому вдумыванию – нескончаемому потому, что оно не позволяет ничего «придумать», а только освобождает от оков деловитого «думания». А цель чтения «Дао-Дэ цзина» – возвращение к чистой, не поддающейся именованию актуальности жизни.

*Владимир Малявин*¹

¹ Подробный текстологический и содержательный анализ «Дао-Дэ цзина» см. в книге: *Лао-цзы. Дао-Дэ цзин. Книга о Пути жизни* / Пер. Владимира Малявина с вступительным исследованием, подробными текстологическими пояснениями, парафразами отдельных глав, сводом китайских комментариев, а также переводами годяньских текстов «Лао-цзы» и «Извечно преждедущее». М.: Феория, 2013.

Канон пути

Глава 1

О пути можно сказать, но то не предвечный Путь.
Имя можно назвать, но то не предвечное Имя.
Что имени еще не имеет, то начало всех вещей,
А что уже имеет имя, то мать всех вещей.

Посему, обращаясь к полноте отсутствующего, постигаешь его исток;
Обращаясь к полноте явленного, постигаешь его исход.
То и другое являются совместно, но именуются по-разному.
Совместность их зовется сокровенностью.
Сокрытое еще скрывается:
Вот врата бесчисленных чудес.

Эта начальная глава выглядит самой загадочной во всей книге. Сама тема главы трактуется по-разному в комментаторской традиции. Одни толкователи видят в ней краткое изложение даосской метафизики, другие – наставление в личном совершенствовании, третьи – суть военной стратегии, четвертые – принципы управления государством и т. д. В действительности перед нами не метафизический фрагмент и не техническая инструкция, а свидетельство о самых что ни на есть естественных основаниях человеческого бытия, эскиз феноменологии человеческой практики, в которой нечто новое, смутно предчувствуемое, еще не отлившееся в слова всегда соседствует с плодами рефлексии, устойчивыми и общеизвестными понятиями. Смутную интуицию вечно отсутствующего, но и всегда грядущего нужно доводить до предела: «предвечное» у Лао-цзы – это абсолютное самоотсутствие («несущее»), которое делает возможным всякое существование, не творя мир актом воли, но, как мать, невольно питая, давая произрасти всему живому. В бытии и в сознании (именно: в живом, растущем, *бытийственном* сознании Пути) существует некая точка абсолютного покоя или, скорее, вечно отсутствующая перспектива всеединства, совершенной уравновешенности, взаимной обратимости или взаимной проницаемости всех моментов существования. В этой перспективе присутствие и отсутствие, именуемое и безымянное, очевидное и сокровенное в своей неопределимой утонченности, постоянном внутреннем скольжении оказываются собранными воедино, причем в свете этого круговорота бытия, взятого как целое, отсутствующее и безымянное выступает условием всего наличного и предметного. Речь идет не об умозрительно постигаемом единстве, а о переживаемой конкретности существования, вечно уникального и притом вечно смещающегося «здесь и теперь». Это смещение великолепно передано композицией главы, где значение отдельных понятий постоянно меняется, как бы ускользает за свои пределы, оставаясь в рамках единой, хотя и не обозначенной явно структуры миропонимания. Живя конкретностью опыта, мы нигде не находимся, не находим себя. «Здесь и теперь» – это всегда «еще и здесь» и «еще и теперь». Оно есть везде и всегда, и его... нигде и никогда нет. Познание пути жизни не позволяет ничего фиксировать, но предполагает вживание в текучесть самой жизни, рост духовной чувствительности, способность проводить все более тонкие различия в опыте, одухотворение сознания. Премудрый человек теряет предметное знание, но приобретает способность видеть бытие бездной чудес, кладезем откровений.

Высказанное в первой главе «Дао-Дэ цзина» – это одновременно плоды размышлений о недостижимом и по-детски чистой веры в него. Тот же, кто движим желанием представить

и определить реальность, будет воспринимать только поверхность вещей и знать лишь то, что сам определит предметом своего знания (согласно одному из толкований, которое, возможно, только имплицитно содержится в тексте Лао-цзы). Предметная деятельность человечества, однако, *не* отделена от истины бытия, – всегда имманентной опыту! – а ограничивается лишь умопостижимым измерением сущего. В конечном счете Великий Путь превосходит различие между наличным и отсутствующим, известным и неизвестным, мыслью и бытием, духом и материей. Он есть реальность мета-символическая, не-двойственность чистой духовности и чистой вещественности, данная во внешне неопределенном, но внутренне внятном содержании опыта, где действительное уже неотделимо от первозданной фантомности опыта, ибо только так и предстает реальность бесконечно малых превращений. Эта реальность есть образ безмерной внутренней дистанции с ее неопределимой точкой схода всех явлений, где вещи достигают своего предела и не могут не быть именно потому, что... не могут быть. Будьте не в себе – и вы пребудете вечно: вот завет Лао-цзы, над которым непременно посмеются «здоровомыслящие люди».

Если перед нами формула континуума сознания, значит, мы имеем дело не с различиями, а, строго говоря, различениями, не попыткой описания мира, а свидетельством внутреннего опыта. Другими словами, здесь есть только единичности, отмечающие проблески сознания, в которых проявляет себя жизнь духа. В отличие от различия различение не разрушает, а удостоверяет единство опыта. Отсюда вся двусмысленность отношений между «исток» и «исходом» мира, «началом вещей» (или «началом мира») и «матерью вещей». Эти понятия отмечают не состояние, а Путь, и притом Путь абсолютный, который вечно возвращает к себе. Поэтому «исток» может оказаться завершением пути (причем одновременно бытия и познания).

Не так уже трудно вообразить мир «сокровенности», о которой толкует Лао-цзы. «Сокровенное» – это глубина сумеречного неба. Взглянем вдаль в густых сумерках, скрывающих формы предметов и расстояние между ними. Если мы будем покойны, расслаблены и, следовательно, способны открыться миру или, вернее, впустить его в себя, мир предстанет для нас бездной нюансов, полузнакомых «обрывков смутных фраз». Это будет чужой и все же интимный мир, отменяющий самое различие между внутренним и внешним, доверительно шепчущий о близости недоступного, навевающий грезы о невообразимом величии. Это будет мир, где, согласно Ж. Делезу, «речь доведена до предела и стала чем-то одновременно неизъяснимым, но по этой же причине доступным только произнесению, а зрение доведено до границы, которая одновременно незрима и может быть только наблюдаема». Это мир густых, как лесная чаща, различий, где всего «видимо-невидимо». Вот так сущее и не сущее, фантазм и действительность становятся неразличимы, не лишаясь своеобразия. Но есть еще и второй этап «сокрытия», относящийся к открытию внутренней осиянности бодрствующего духа, ясному видению *подлинности* жизни. Лао-цзы неоднократно настаивает на том, что речь идет о познании «постоянства». Очевидно, фиксации нефиксируемого – одухотворенной, наполненной сознанием и сознательно прожитой жизни, где мгновение и вечность сливаются воедино. Этой интенсивно проживаемой жизни соответствует избыточность образов и звуков вонне нас. Но бормотанье сумеречного мира внезапно прерывается гулким ударом колокола, пронзительным криком живого существа, вспышкой далекой зарницы. И мы пробуждаемся среди несказанных чудес...

Глава 2

Когда в мире узнают, что прекрасное – прекрасно,
является уродство.
Когда в мире узнают, что доброе – добро, является зло.

Наличное и отсутствующее друг друга порождают.
Трудное и легкое друг друга создают.
Длинное и короткое друг друга выявляют.
Высокое и низкое друг друга устанавливают.
Музыка и голос друг другу откликаются.
Предыдущее и последующее друг другу наследуют.
Так всегда бывает в мире.

Вот почему премудрый человек предается делу недеяния
И претворяет учение, не имеющее слов.
Дает всему случиться и ни о чем не помышляет.
Дает всему появиться и ничем не владеет.
Дает всему завершиться и ни за что не держится.
Достигнув успеха, не присваивает его себе.
Ничего не считает своим – и от него ничего не уходит!

Лао-цзы указывает на субъективную природу человеческих суждений и поступков, не отрицая объективного характера добра, истины и красоты. Он учит ни к чему не стремиться, но и ничего не отвергать в жизни. Поистине, тот, кто ни за что не держится, ничего не потеряет. Такой каждое мгновение предстоит вечности и поэтому... счастлив. А те, кто живет мирскими понятиями, хотят выглядеть красивыми только потому, что боятся казаться уродливыми. Но нельзя быть красивым нарочно. Тот, кто *старается* выглядеть красивым, выказывает свое уродство. Тот, кто щеголяет своим умом, демонстрирует собственную глупость. Тот, кто имеет одно неизменное абстрактное понятие о добре и зле, становится рабом этого понятия и как раз поэтому навлекает на себя тревоги и беды. «Премудрый человек» Лао-цзы все видит как одно и не разделяет мир на противоположности. Он пребывает в средоточии всеобщего круговорота, в «оси Пути». Оттого же он никого и ничего не утесняет, но предоставляет всему сущему свободу быть... Он и сам свободен *от* всего, чтобы быть свободным *для* всего. Вот это и значит воистину быть собой.

Глава 3

Не возвышайте «достойных» —
И люди не будут соперничать.
Не цените редкостные товары —
И люди не будут разбойничать.
Не давайте явиться соблазну,
И в сердцах людей не будет смущения.

Вот почему премудрый человек, управляя людьми,
Опустошает их головы
И наполняет их животы,
Ослабляет их устремления
И укрепляет их кости.
Он всегда делает так, что у людей нет ни знаний, ни желаний,
А знающие не осмеливаются ничего предпринять.

Действуйте посредством неделания – и во всем будет порядок.

Мудрый правитель, по Лао-цзы, не подстрекает людей к соперничеству, не обольщает их наградами и не запугивает наказаниями. В конце концов, и то, и другое бессмысленно: злодея никакими наказаниями не утратить, а порядочный человек и без наград будет трудиться честно. Мудрое правление вообще не должно устанавливать каких-либо норм. Оно лишь обеспечивает минимальные материальные условия для человеческого благосостояния, но, что гораздо важнее, учит ценить индивидуальное своеобразие людей, благодаря чему только и возможно достижение или, точнее, восстановление органической цельности жизни. Для этого потребны смирение и терпение, то есть разумное ограничение претензий рассудка – источника чрезмерных желаний. Великий Путь мироздания исключает любое насильственное, нарочитое действие и сам собою осуществляется там, где нет соблазнов, порождаемых богатством, властью или славой. Политики же, которые кормят людей красивыми словами о «прогрессивном развитии» и «общественном мнении», в лучшем случае не ведают, что творят: рано или поздно они станут жертвой собственной близорукости.

Секрет успешной политики – в «упорядочивании себя» (по-китайски буквально «упорядочивании своего тела»), что означает отречение от своего эго или, что то же самое, освобождение от гнета себялюбия. Мудрый правитель «наполняет животы» своих подданных. Живот – физический центр тела и одновременно средоточие жизненных сил организма. Он вбирает в себя и материальную пищу, и духовные токи жизни. Он дает устойчивость нашей жизни. Отказываться от основы и средоточия своего бытия ради чего-то периферийного и вторичного не есть ли большая глупость? И надо иметь в виду, что Лао-цзы говорит не о технике духовного совершенствования, а об условиях, делающих это совершенствование возможным. Заниматься йогой, не сделав сознание «пустым», – все равно, что, как выразился один позднейший писатель, «отгонять мух тухлятиной». А тот, кто воплотил в себе покой, уже не нуждается ни в какой технике.

Глава 4

Путь всех напоит.
Пользуйся им – не переполнится чаша.
Пучина! Он словно прародитель всех вещей!

Притупляет свои острые края,
Развязывает свои узлы,
Смиряет свечение свое,
Вид принимает праха своего.

Ускользящее! Как будто есть оно и нет его.
Неведомо, чье оно дитя.
Образ его – предвестье Высшего Владыки!

Глава содержит очень смелые и тонкие, долгим размышлением порожденные суждения о природе Великого Пути как *вечнопреемственности отсутствующего*. В ней обозначен ряд важнейших черт *дао*: бытийная первичность Пути и его деятельная беспредметность, фантомная природа бытия, «прикровенность» Пути и его свойство предшествовать всему сущему, его уподобление «пыли» тончайших восприятий бодрствующего духа (ср. понятие «множества утонченностей» в гл. I), причастность к абсолютному самоподобию всегда нового и всегда прежнего Пути и, наконец, «великое сомнение», сопутствующее моменту самопознания беспредметного духа, чистый динамизм которого предопределяет формы культуры, не совпадая с ними. Реальность в горизонте этого мировосприятия как бы мерцает, или *пульсирует*: чем она неопределеннее в словесных формулах, тем шире открыт для нас источник творческих превращений мира, тем больше радости сулит нам жизнь. И нет ничего долговечнее того, что постоянно прерывается. Эта бездна бесчисленных метаморфоз бытия внушает сознанию, ему предстоящему, подлинно священный ужас. Лао-цзы учит благочестию без культа, сыновству без отца. Все его учение – гимн «величайшему», каковое есть просто то, что не может не быть, потому что его нигде нет в мире. Прообразом же Пути выступают богатство и полнота родового существования, в котором открывается еще большая глубина опыта. И нельзя не видеть, что проповедь – вне доктрины! – даосского патриарха созвучна стремлению современной философии преодолеть метафизику «первоначала», «субстанции» или «истинно-сущего».

Глава 5

Небо и Земля лишены человечности,
Для них все вещи – что соломенные собаки.
Премудрый человек лишен человечности,
Для него все люди – что соломенные собаки.

Пространство между Небом и Землей
Подобно кузнечным мехам:
Пустое – а нельзя устранить,
Надави – и выйдет еще больше.

Кто смотрит по сторонам, быстро утомит себя,
Не лучше ли блюсти срединность?

Люди создают свой мир из того, что знают, и оправдывают его наспех придуманными словами. Они знают просто то, что знают. Они желают свое желание. И, столкнувшись с невозможностью разорвать этот порочный круг, срываются в насилие. Гораздо труднее принять самое простое: реальность такова, какова она есть, и она не обязана соответствовать людским желаниям. Для мыслителя, столь непреклонно преданного истине, как Лао-цзы, человеческая речь именно в той мере, в какой она призвана оправдать все «человеческое», есть только попытка *заговорить* действительность. Напрасно люди убеждают себя, что владеют жизнью. На самом деле жизнь владеет ими, давая каждому его шанс пройти свой круг в ее вечном хороводе, реально прожить свой день – и уйти навеки. Но Лао-цзы далек от бескрылого фатализма, которым люди столь часто прикрывают свою немощь и умственную лень. Человек может и должен *свершить* свой Путь. Ему дано в урочный час сполна претворить свои жизненные возможности.

Держаться центрированности бытия, где нам каждый миг открывается несказанное величие нашей жизни, методично и радостно *возвращаться к бесконечности в себе* – это занятие, не имеющее предела. В несотворенности покоя, в средоточии мирового круговорота все сходится, и все вещи возвращаются к подлинности своего существования, хотя там ничего нет. В этой точке человеческое смыкается с небесным. Это исток творческих метаморфоз, несводимый к «данности». Он существует по противоположным, нежели земное бытие, законам: чем меньше он явлен, тем больше его мощь. А потому чем больше отдаешь, тем больше получаешь. Благодаря ему мы способны бесконечно *восполнять* в себе силу жизни (см. тему накопления и бережливости в «Дао-Дэ цзине»). Вот почему восьмая строка главы имеет особенное значение для даосской практики. Она указывает, как человек может возобновлять, накапливать в себе одухотворенность жизни независимо от ее материальных условий.

Глава 6

Всеместительный дух не умирает;
Сие зовется Сокровенной Прародительницей.
Врата Сокровенной Прародительницы
Назову корнем Неба и Земли.

Вьется и вьется, не прерываясь.
Пользу его исчерпать невозможно.

Быть может, глубочайшая интуиция жизни скрывается в ощущении, что наше тело вмещает в себя *всю полноту* творческих потенций бытия и что поэтому человек призван не познавать жизнь, тем более не ущемлять ее, а беречь ее божественную цельность. Цельность реальную именно потому, что она пребывает... вне себя самой! Оттого же жизнью нельзя овладеть, можно только дать ей быть. Но для этого нужно быть в известном смысле «прежде жизни». Данная глава, одна из самых загадочных во всей книге, дает понять, что такое подлинное бытие, которое существует прежде материального или мыслимого мира и хранит в себе изобилие жизненных сил.

«Дух долины», «сокровенная прародительница» – это метафора, одна из многих в «Дао-Дэ цзине», *пустотной цельности* – духовного источника жизни. Самоопустошение обеспечивает самовосполнение; кто умеет отдавать, способен получать, и мать живет своим ребенком. Даосские комментаторы усматривали здесь некое зашифрованное сообщение о секретах личного совершенствования. Хэшан-гун разъясняет:

«Долина означает «питать». Тот, кто умеет питать свои духовные силы, никогда не умрет. Дух означает духовные силы внутренних органов. «Сокровенная» означает Небо в человеке: это соответствует носу. «Прародительница» означает Землю в человеке: это соответствует рту. Небо питает человека посредством пяти видов энергии, которые входят через нос и достигают сердца. Эти пять видов энергии порождают дух и семя, зрение и слух и внутренние органы. Земля питает человека посредством пяти вкусов, которые входят через рот и достигают живота. Они порождают телесный облик и скелет, кости и плоть, кровь и лимфу, а также чувства. Вдохи и выдохи, осуществляемые через нос и рот, должны быть плавными и не должны прерываться».

Глава 7

Небо вечно, Земля неизбывна.
Небо и Земля вечны и неизбывны потому,
Что не существуют для себя.
Вот почему они могут быть вечны и неизбывны.

Оттого премудрый человек ставит себя позади,
а оказывается впереди;
Не заботится о себе – и умеет себя сберечь.
Не желает ничего для себя —
Не потому ли имеет все, что ему нужно?

Высшая, и самая надежная, мудрость Лао-цзы – в том, чтобы уподобить себя Небу и Земле, то есть предельной цельности и беспристрастности «мира в целом». Но эта предельная цельность есть не просто космос или «мироздание», но – Великая Пустота, «постоянное не-наличие», бесконечное само-различение, вездесущая *щель бытия*, в которой осуществляется круговорот бытийственности сущего, уход сущего от себя к себе и которая поэтому вмещает в себя всю бездну времен. Обычно люди стараются побольше успеть, побольше прибрать к себе. Им приходится не идти, а поистине, бежать по жизни, и им кажется, что стоит им остановиться, как все в их жизни рухнет. Они сами создали свои проблемы. Человек Дао идет «обратным» путем: для него получить – значит отдать, обрести себя – значит потерять себя, жить вечно – значит вечно отсутствовать. В даосском идеале самоуподобления мудрого «Небу и Земле» нет ни грана расслабляющего благодушия, в нем содержится властное требование превзойти себя, пойти против инерции бытия – и сполна себя осуществить! Мудрый правит миром или, лучше сказать, *направляет* мир потому, что бескорыстно служит ему. Отдавая себя миру, он приобретает больше, чем мир: он обретает свою подлинность. В круговороте Пути, в вечном не-возвращении Хаоса все существует «совместно», не образуя формального единства. Человек и Небо велики и живут *наравне* друг с другом не сами по себе, а в собственном пределе: подлинное бытие есть там, где... его нет.

Глава 8

Человек высшего блага подобен воде:
Вода – благодетель всех вещей и ни с чем не борется,
Скапливается в местах, которых люди сторонятся.
Вот почему она близка Пути.

Жилищу благо – твердая основа,
А сердцу благо – бездонная глубина.
Общению благо – радушие.
Словам благо – доверие.
Правителю благо – порядок.
Работе благо – умение.
Деянию благо – своевременность.

Никогда не вступай в борьбу – и не потерпишь ущерба.

Воистину побеждает тот, кто умеет уступать. Китайская мудрость учит, что тот, кто делает шаг назад, продвинется на два шага вперед. Уподобление Великого Пути и его премудрости воде – один из самых примечательных мотивов «Дао-Дэ цзина», ведь вода не имеет собственной формы, бесконечно уступчива и подвижна без усилий, но питает все живое и заполняет всякое пространство. Вот лучшая иллюстрация силы, обретаемой в видимом бессилии. Согласно традиционной формуле, она порождается «Небесным единством» и в соединении с Огнем творит все метаморфозы.

Но водный поток течет далеко. Как говорили в Китае, «вода навевает думы об отделенном...» Размышление о воде помогает постичь то, что пребывает по ту сторону ощущаемого и мыслимого и вечнопреемственно в своей текучести. В своей жизни мы должны иметь прочную основу. И чем ниже эта опора, тем она прочнее. Хотя латинская поговорка гласит: «Кто ясно мыслит, ясно излагает», человеческому уму, тем более уму китайскому, угодна глубина несказанного и немислимого, а речь осмысленная всегда иносказательна. Оттого же человеческая речь ценна не красотами слога, а доверием, которое внушает говорящий; доверием, которое проистекает из чувства причастности к глубине смысла, хранимого в словах. Чтобы постичь смысл, говорил даосский мудрец Чжуан-цзы, нужно «забыть слова». Поистине, всякая вещь в мире обретает свое основание не в том, чем она является сама по себе. Подобная «метафизика» служит у Лао-цзы оправданию жизни, «как она есть», во всем ее *обыденном величии*. Лао-цзы при всех его «отрицаниях» – не нигилист, он безусловно *доверяет* жизни и даже самой простой, обыденной жизни, потому что прозревает в ней бесконечное. Подлинным источником авторитета является то, что никогда не дано, не предъявлено, но всегда остается за кадром наличной ситуации. Что никогда не есть, но вечно остается. Этим нельзя манипулировать, этому можно только открыться.

Мудрый завоевывает доверие людей и, более того, воистину защищает себя своей безусловной открытостью миру. Это он, скрытный и неприметный, живущий в стороне от толпы, погруженный в житейскую обыденность незаметно наполняет жизнь людей теплотой бдящего и понимающего сердца. Он всегда поступает вовремя и уместно, ибо только тот, кто умеет быть целым, знает цену всего частного. А в жизни вообще-то ценно только уникальное, в ней всякое событие имеет собственную меру. Правила и нормы – ловушки для дураков, война – соблазн для слабоумных.

Глава 9

Чем держать чашу, наполненную до краев,
Лучше вовремя остановиться.

Кто хочет точить лезвие до самого предела,
Ненадолго добьется желаемого.

Когда яшмой и золотом набит дом,
Невозможно их уберечь.
Кто кичится богатством и знатностью,
Навлечет на себя беду.

Подвиг сверши, а сам отойди —
Вот Путь Небесный.

Поистине, лучшее – враг хорошего. А перфекционизм, во-первых, привязывает человека к тому, что тот сумел совершить, делает его рабом собственных успехов и, во-вторых, так или иначе грозит ему большими неприятностями в мире, пронизанном соперничеством, завистью и злобой. Вообще говоря, стремление к совершенству от природы присуще людям, и отказываться от него равносильно нравственному самоубийству, но только тот извлечет из него пользу, кто поймет, что настоящий результат совершенствования есть внутреннее удовлетворение, открытие незыблемой опоры своей жизни в самом себе, а не в пустых понятиях света. Жить славой – значит губить себя. Истинное совершенство не требует совершенствования. Даосская мудрость учит жить просто живостью жизни. И это означает: не бежать вперед, а вновь и вновь возвращаться к всегда уже заданной, внутренней полноте своего бытия. Небесный Путь противоположен людским путям, но как раз по этой причине не противостоит им. Просто, в отличие от решительно всех человеческих занятий, он дарит безмятежный покой и отдохновение. Вся глава служит иллюстрацией к максиме Лао-цзы: «Обратное движение – действие Пути».

Глава 10

Пестуй душевное чутье, обнимай Единое:
Можешь не терять его?

Сосредоточь дух, достигни высшей мягкости:
Можешь быть как младенец?

Очищай сокровенное зеркало:
Можешь убрать все препоны видению?

Люби народ, блюди порядок в царстве:
Можешь претворить недеяние?

Небесные врата открываются и затворяются:
Можешь женственным быть?

Внимай всем четырем пределам:
Можешь обойтись без знания?

Порождает и вскармливает,
Все рождает и ничем не обладает.
Всему поспешествует, а не ищет в том опоры,
Всех старше, а ничем не повелевает:
Вот что зовется сокровенным совершенством.

Глава написана как будто намеренно туманным, иносказательным языком, предоставляющим читателю свободу догадываться о конкретном значении упоминаемых в ней образов. Пожалуй, в ней зафиксированы главные установки даосской медитативной практики, но без опьяненности «технологиями освобождения» и «измененными формами сознания» столь частой в современной литературе. Правда духовного опыта выражается в ней единственно возможным, истинно целомудренным способом – посредством многозначительных недомолвок. Но в них нет никакой нарочитой усложненности: секрет даосского прозрения – умение видеть мир, *как он есть* в его первозданной цельности. В даосской традиции тема этой главы определялась как «способность свершить». Созерцание в действительности и есть свершение, и единственной преградой для созерцания себя является... самое сознание! Возможно, употребленные здесь метафоры не составляли загадки для первых читателей «Дао-Дэ цзина» – в конце концов, речь идет о конкретных, непосредственно переживаемых плодах духовной практики. У этих плодов свои законы: загадочные метафоры могут скрывать несомненную внутреннюю ясность, легко узнаваемое качество духовного состояния. Есть у этих законов и своя высшая закономерность: правда *самовосполнения*, или самовозрастания духа, не подверженного причинно-следственным связям.

Всякое совершенствование предполагает достижение абсолютной, всегда не-данной, только *грядущей* полноты жизненного опыта, в котором внутреннее и внешнее, субъективное и объективное сходятся в «сокровенном» единстве, и бытие становится бытийствованием, обретает качество *вечнопреemptственности* или даже, точнее, наследования вечноотсутствующего. Такая цель достигается только уступлением; она предполагает способность «все вмещать, но ничем не владеть», жить предустановленным. Поэтому она дарит способность *предвосхищать*

все сущее и притом оставаться неприметным, не вызывающим неприязни или зависти у окружающих. Счастливые качества! Они, конечно, присущи ясному зеркалу, так что просветленное сердце становится, поистине, *волшебным* зеркалом мироздания. Предваряя, предвосхищая мир, оно не просто отражает вещи, но высвечивает их, в известном смысле – создает их. Где вещи, а где их отражения? Мудрый может быть Царем мира именно потому, что на этот вопрос невозможно ответить. По той же причине он *направляет* ход событий, не пытаясь воздействовать на них. Вот почему после упоминания о «сокровенном зеркале» речь заходит об управлении государством, и все последующие строки китайские комментаторы толкуют как максимы политической мудрости. Некоторые исследователи считают их позднейшей вставкой. С этим мнением трудно согласиться. Но оно показывает, как трудно порой распознать связующую нить в суждениях даосского патриарха.

Глава 11

Тридцать спиц колеса сходятся в одной ступице,
А польза от колеса в том, что в ступице нет ничего.
Лепят из глины сосуд,
А польза от сосуда в том, что внутри него нет ничего.
Пробивают окна и двери, чтобы сделать дом:
А польза от дома там, где дома нет.

Поистине:

То, что имеешь, приносит выгоду.

А то, чего не имеешь, приносит пользу.

Важная тема даосизма: «полезность бесполезного». Все предметное держится всеобщностью беспредметного, и полнота бытия заявляет о себе через лакуны в опыте и предел всякой «данности». В очередной раз Лао-цзы находит яркие и точные образы для иллюстрации своей излюбленной мысли о нераздельности всеобщего и уникального, единого и единичного. Нераздельности деятельной, удостоверяемой самим способом существования вещей. Но польза выше выгоды: первая не прейдет вовек, вторая сиюминутна и ограничена, держаться за нее недостойно мудрого. Великую же Пользу Пути способен извлечь только тот, кто умеет удержать бытие в его цельности, не повелевая вещами. Поистине, сосуд содержит в себе нечто благодаря своему отсутствию как вещи. Великая польза проистекает из предоставления всему свободы быть, вечно распространяющегося пространства жизненного роста, подчиняющегося все тому же закону духовной реальности: чем больше отдашь, опустошишь себя, тем более великим станешь.

Глава 12

От пяти цветов у людей слепнут глаза.
От пяти звуков у людей глохнут уши.
От пяти ароматов люди не чувствуют вкуса.
Тот, кто гонится во весь опор за добычей, теряет голову.
Редкостные товары портят людские нравы.
Вот почему премудрый человек
Служит утробе и не служит глазам
И потому отвергает то и берет это.

Лао-цзы – в своем роде очень строгий моралист. Он требует осознать, что наши вождения есть просто безумие или ведут к безумию, потому что они соотносятся со спроецированным нами на самих себя и потому, в сущности, иллюзорным «я». Этот фантом исполнен гордыни, тщеславия и... неугасимого беспокойства. В той мере, в какой мы отождествляем себя с ним, мы забываем о подлинном в себе – о том, что служит в нашей жизни источником покоя и безмятежной радости. И надо помнить, что наше тело, наша «утроба» ничего *в особенности* не хочет. Живет – символ нашей самодостаточности, нашей прочной основы в жизни и того, что нам действительно необходимо. Что же касается наших желаний, то их на самом деле порождает наш ум. Покой доступен каждому в каждое мгновение его жизни: нужно только перестать относиться к себе как к кому-то «чужому» и просто *быть собой* или, если угодно, позволить себе быть... Премудрый имеет «постоянное знание», которое есть «внутренняя просветленность» (см. гл. 55).

Глава 13

Милость позорит: ее остерегайся.
Беду же цени как себя самого.

Что значит «милость позорит: ее остерегайся»?
Милость для нас – унижение.
Бойся, когда ее получаешь,
Бойся, когда ее теряешь.
Вот что значит «милость позорит: ее остерегайся».

Что значит «цени беду как себя самого»?
Моя беда в том, что
У меня есть «я».
Коли не будет моего «я», откуда взяться беде?

Поистине: тому, кто ценит себя больше мира,
Можно вверить весь мир.
Тому, кто любит себя, как мир,
Можно вручить весь мир.

Мудрость учит не полагаться на внешнее, ибо все внешнее – призрачно. Это не значит, конечно, что мудрый живет в шизофренической отрешенности от мира. Напротив, внутреннее прозрение, о котором толкует Лао-цзы, снимает ложное противопоставление своего «я» и мира, а вместе с тем – бремя субъективного существования. По этой же причине такое прозрение в высшей степени *практично*. Лао-цзы с поразительной последовательностью продолжает свою нить *счастливых* парадоксов: чем меньше мы думаем о себе, тем больше живем воистину и тем большего достигаем в мире; мы должны считать наше существование великим несчастьем, и такое отношение к себе принесет нам великое счастье. Хотя бы потому, что тот, кто действительно избавился от зуда властвования, без усилий приобретет власть, ведь источник власти – сама свобода. Самая простая и самая труднодостижимая истина: чтобы быть совершенным, нужно решиться *не* быть. Мудрость Лао-цзы – не секрет личного совершенства и не секрет властвования в мире. Она есть секрет нераздельности того и другого. Как выразился средневековый комментатор Ван Юаньцзэ, «Вся тьма вещей и я составляем одно, и тогда воцаряется сокровенное единство с Путем».

Глава 14

Смотрю на него и не вижу: называю его глубочайшим.
Вслушиваюсь в него и не слышу: называю его тишайшим.
Касаюсь его и не могу схватить: называю его мельчайшим.
Эти три невозможно определить,
Поэтому я смешиваю их и рассматриваю как одно.

[Это одно] вверху не светло, внизу не темно,
Тянется без конца и без края, нельзя дать ему имя.
И вновь возвращается туда, где нет вещей.
Сие зовется бесформенной формой, невещественным образом,
Сие зовется туманным и смутным.
Встречаешь его – не видишь его главы,
Провожаешь его – не видишь его спины.

Держаться Пути древних,
Чтобы повелевать ныне сущим,
И знать Перводанное Начало —
Вот что такое основная нить Пути.

Перед нами очередная попытка передать в словах – по необходимости иносказательных и туманных, даже нарочито невнятных – неизъяснимый опыт вселенской общительности; который возвышает познающего над его частным «я» и укореняет сознание в безбрежности пространства и в бездонной глубине времен, оставаясь, разумеется, всецело конкретным и неотделимым от человеческой индивидуальности. Этот опыт выражен в формуле: «Путь все пронизывает одним» и засвидетельствован «глубоким безмолвием» мудреца. Здесь же он обозначен рядом примечательных образов, которые в совокупности позволяют с немалой долей уверенности судить о мировосприятии Лао-цзы. Среди них понятия «бесформенной формы» и «невещественного образа» напоминают о том, что учение Лао-цзы не знает метафизического разделения мира на преходящие вещи и неизменные идеи; притом что эмпирическим и умо-зрительным различиям предшествуют различия символические, не поддающиеся определениям и потому неотделимые от нашего опыта. Премудрый человек, понимающий эти тонкости, владеет секретом безупречно действенного действия. Он погружен в «незнание» реальной деятельности (именно положительное незнание равнозначное точной соотнесенности с мировым Все) и потому способен управлять этим вечно волнующимся миром (точнее: *выправлять* мир и *направлять* его), воплощая собой незыблемый покой посреди волн житейского океана.

Глава 15

Те, кто в древности претворяли Путь,
Достигали утонченности в мельчайшем,
сообщительности в сокровенном.
Столь глубоки они были, что нельзя их познать.

Оттого, что нельзя о них знать,
Облик их могу лишь условно описать:
Робкие! Словно переходят реку в зимнюю пору.
Скрытные! Словно остерегаются соседей.
Сдержанные! Словно находятся в гостях.
Податливые! Словно лед тает на солнце.
Безыскусные! Словно Первозданное Древо.
Все вмещают в себя, словно широкая долина.
Все вбирают в себя, словно мутные воды.

Если мутной воде дать отстояться, она станет чистой.
А то, что долго покоилось, постепенно сможет ожить.

Кто хранит этот Путь, не стремится к пресыщению.
Не пресыщаясь, он лелеет прошедшее и не ищет новых свершений.

«Проявление совершенства» – так обозначена тема этой главы в даосской традиции. Казалось бы, странный заголовок для пассажа, расточающего похвалы скрытности, неприметности, уступчивости, даже как бы *стертости* облика мудреца, который, как говорили древние даосы, живет «погребенным среди людей». Да, мудрость Лао-цзы недоступна для ума поверхностного и торопливого, вечно поглощенного собой, своими желаниями и болячками. Она требует углубленности, покоя и превыше всего утонченной чувствительности духа. Извечная апория морали: чем больше мы отличаемся от мира, тем больше принадлежим ему. Эту апорию нельзя разрешить, как нынче говорят, «дискурсивным» знанием. Люди не знают, за что любят друг друга, а если бы знали, то не любили бы. Даже на поверхности жизни их объединяют не идеи и понятия, а простой факт телесного соприсутствия в мире, который начинается с тождественности нашего чувственного восприятия. «Слушает ушами и видит глазами народа», – говорили о мудреце в Китае. Мы лучше ощущаем свое единство за совместной трапезой, чем на научных собраниях. Но и такое единство еще далеко не все. Его предваряет и делает возможным сообщительность *бодрствующего сознания*, живущего предельной конкретностью опыта, ее бездонной глубиной. Жить этой исконной сообщительностью душ и значит быть по-настоящему человеческим. И, следовательно, быть совсем непохожим на массу. Тот, кто воистину любит людей, не может не скрывать свою любовь. – хотя бы для того, чтобы не сделать ее предметом «спекуляций». Описание «мужей Пути» по стилистике и пафосу представляет в известном смысле традиционный даосский жанр. Очень похожий пассаж о «настоящих людях древности» мы встречаем в гл. 6 другого древнего даосского канона – «Чжуан-цзы». И в обоих случаях можно лишь условно, предположительно передать по-русски смысл определений, которые прилагаются авторами этих текстов к подвижникам Пути. Ведь их подлинная жизнь – внутренняя и, главное, неимоверно тщательно переживаемая.

Одно простое следствие из сказанного здесь применительно к политической сфере гласит: власть дается не званиями и полномочиями, а авторитетом и притом негласным, *сердцем*

принимаемым. И эта истинная власть осуществляется не принуждением, а *благодатным влиянием*. Авторитет имеет свои внутренние корни: он приходит только к тому, кто умеет превозмочь себялюбие и овладеть секретом чистой общительности людских сердец, благодаря которой только и становится возможной гармония в обществе. Власть по определению публична, но, как знал еще Гегель, ее исток находится в «потустороннем» и, значит, в подлинной любви. Тот, кто хочет публичного признания, должен научиться быть незаметным. И высшая награда мудрой жизни – способность без пресыщения наслаждаться просто *нажитым* или, как говорит Лао-цзы, «накопленным без накопления»: старой дружбой, старыми, ставшими родными вещами, знакомым с детства пейзажем. Ведь и в любимом человеке или в любимом предмете нам дорого и отсутствие броскости, даже несовершенство. Как хорошо понимали китайские знатоки, «щербинка на благородной яшме вызывает прилив чувств». Лао-цзы проповедует не холодное равнодушие отрешенного «мудреца», а, напротив, правду мгновенного сопереживания или, если угодно, сознательное переживание каждого мгновения жизни, наполненное бездонным смыслом. Он *восхищен* бездной любви.

Глава 16

Достигай предела пустоты.
Блюди покой неотступно.
Все вещи в мире возникают совместно,
Я так прозреваю в них возврат.

Вещи являются в великом разнообразии,
И каждая возвращается к своему корню.
Возвращение к корню – это покой,
Покой – это возвращение к судьбе.
Возвращение к судьбе – это постоянство,
Знание постоянства – это просветленность,
А не знать постоянства – значит навлечь на себя пагубу.

Кто знает постоянство, тот все вместит в себя;
Кто все вместит в себя, тот беспристрастен.
Кто беспристрастен, тот царствен,
Кто царствен, тот подобен Небу.
Кто подобен Небу, тот претворяет Путь.
Кто претворяет Путь,
Тот пребудет долго
И, даже лишившись себя, не погибнет.

Путь Лао-цзы потому и велик, что, пребывая в нем, никуда не идут, но «хранят срединность» и потому каждое мгновение *возвращаются к истоку* (название данной главы в даосской традиции). Воистину пребывает вне мира тот, кто без остатка в мир погружен. Нет ничего кроме радужных отблесков реальности. Человек живет отсветом своего духовного света, почившем на других. Он становится собой, когда не живет для себя и «уподобляется праху», являя миру тень, декорум непоколебимого покоя. Путь Лао-цзы безумен или, скорее, совершенно безумственен: он есть чистое различие как повторение неповторяющегося, промельк бездны бытия, неуклонное самоуклонение, невозвращение к себе вечно изменчивого Хаоса и, следовательно, чистая аффективность опыта, сама бытийственность бытия. Мудрый живет *так, как* живет сообразно принципу: «в горе нет горы, в водах нет вод...» и т. д. Но он не удваивает жизнь и не подавляет ее теориями, моделями и прочими идеальными конструкциями. Его секрет – знание пустотности всех вещей – реальности деятельной и жизненно полезной. «Дойти до предела», согласно Лао-цзы, – значит уйти от всякой идеи и представления, даже от идеи пустоты и покоя и прийти к заданности жизни, воплотив собою незыблемый покой в мятущемся океане перемен. Чистая имманентность, она же «таковость» существования бесконечно превосходит все данное, но не отделена от предметности существования. Ее великая упокоенность неотличима от стихии повседневности, хотя и не совпадает с ней. Она полна всем, чем «богат мир», но не сводится к вещам. В подлинном покое нет ничего покоящегося. В бесконечности взаимоотражений зеркала просветленного духа ничто ни в чем не отражается. Поистине, освобождаясь от бремени вещей, мы *возвращаемся* к жизни «как она есть» – величественной и таинственной в своем вечнотекущем постоянстве. А общепринятые формы жизни – просто временное, даже случайное и, тем не менее, радостное пристанище в духовном странствии. Как сказал один старый китайский писатель, «этот хрупкий сосуд – наше самое надежное убежище в океане жизни».

Глава 17

С наивысшими было так: низы знали, что они есть.
Ниже стояли те, кого все любили и прославляли.
Еще ниже стояли те, кого боялись,
А ниже всех – те, кого презирали.
Тому, в ком нет достаточно доверия, не будет и доверия других.

Бдительный! Слова бережет.
Добьется успеха, сделает дело,
А люди говорят: «У нас это получилось само собой».

Прежде чем «пользоваться властью» всегда полезно задуматься над тем, из чего происходит власть. Исток же власти – нечто совсем иное, нежели «властные функции». Чжуан-цзы говорил, что истинный правитель «предоставляет мир самому себе». Ницше заметил, что «настоящая власть, как все хорошее на земле, упраздняет себя». Эти афоризмы не об отсутствии власти, а о ее действии. Власть не может воздействовать на общество насилем хотя бы потому, что исток общности – чистая общительность человеческих сердец – лежит по ту сторону всех общественных «форм» и «организаций». Как утверждали даосы, власть, чтобы воистину влиять на людей, должна быть «забыта», и люди должны чувствовать, что живут «сами по себе», без постороннего вмешательства. Вот единственное условие сильного государства и здорового общества.

Гениальное суждение Лао-цзы в первой строке наводит на мысль, что «чувство власти» врожденно сознанию, и поэтому власть наиболее прочна и эффективна как раз тогда, когда люди предоставлены своему инстинкту предстояния перед чем-то великим и могущественным, не испытывая гнета внешних сил. Вопрос в том, найдутся ли политики настолько разумные, чтобы всерьез думать об этом и руководствоваться наставлениями даосских учителей? Но люди и без поучений знают, что, коли они живы, не может не быть того, кто предоставил им пространство жизненного роста и что жить воистину – значит «оставлять себя» в соработничестве с этим великим благодетелем. Поэтому первую строку в этой главе следует понимать в сильном смысле: все точно знают, что мудрый правитель существует именно потому, что его не видно.

Запомним же эти ступени совершенства и деградации власти, соответствующие отношению подданных к тем, кто ими правит: безмолвное восхищение, любовь, страх, презрение.

Глава 18

Когда Великий Путь в упадке,
приходят «человечность» и «долг».
Когда есть суэта и многознайство,
приходит великая ложь.
Когда среди родичей согласия нет,
приходят покорность и любовь.
Когда государство во мраке и в смуте,
приходят «честные подданные».

Еще одна простая и колючая истина: любая попытка завести разговор о понятиях отрывает нас от действительности и порождает «великую ложь» – великую, надо полагать, потому, что ложь эта вездесущая и неустранимая, но... незаметная именно потому, что вечно старается доказать свою истинность. Но правильно заметил один христианский подвижник: истина не нуждается в доказательствах, они даже оскорбляют ее. Великой лжи противостоит не менее великая правда – правда безграничной гармонии, которая коренится в «центрированности» живого опыта и проявляется спонтанно, в неповторимом стечении обстоятельств. Остальное – людоедство. Эта правда непроизвольно осуществляющейся нравственности, разумеется, не отрицает морали и даже не требует полагать, что моральные нормы – это только выдумка и преднамеренный обман. Согласно Лао-цзы, ирония «достижений цивилизации» состоит в том, что проповедь добра и рассуждения о духовности точно указывают, чего лишилось общество (но всегда хранит в себе великий и вечный поток жизни).

Глава 19

Устраните «мудрость», отбросьте «разумность»,
И польза людям будет стократная.
Устраните «человечность», отбросьте «справедливость»,
И люди вернутся к почтению и любви.
Устраните ловкость, отрешитесь от выгоды,
И не станет ни воров, ни разбойников.

Три этих суждения не открывают полноты истины,
Посему добавлю кое-что к сему относящееся:
Будь безыскусен, храни первоизданную цельность;
Не будь столь себялюбив, сдерживай желания.

Еще один пассаж с критикой отвлеченных моральных норм, обращенной, надо полагать, к последователям Конфуция и Мо-цзы. Но при всей своей нелюбви к прописной морали Лао-цзы в действительности большой моралист. Говоря современным языком, основоположник даосизма предлагает радикальную критику морали, которая призвана выявить бытийные корни нравственности, примирить нравственность с жизнью. Задача, надо сказать, присущая всей китайской мысли. Для него отказаться от одного – значит с неизбежностью принять другое. Тот, кто познал тщету людских мнений, открывает правду в самом себе. И наоборот: отвернувшийся от подлинного в жизни неизбежно угодит в плен иллюзий света. Требования Лао-цзы очень строги и даже невыносимы для ленивого и развращенного ума. Но они столь же последовательны и разумны, потому что совершенно *естественны*. В них нет нигилизма: как указывает даосский наставник Цао Синьи, отрицание абстрактных ценностей и связанного с ним субъективного «я» сопровождается раскрытием и даже, точнее, самораскрытием в каждом человеке его «подлинного облика».

Глава 20

Отбрось ученость – и не будет печалей.
«Конечно!» и «Ладно!» – далеки ль друг от друга?
Красота и уродство – чем одно отличается от другого?

Страхи людские – не страшиться их невозможно.
Как далеко ведут они! Не достать их дна!

Все вокруг веселятся
Словно празднуют великую жертву или восходят на башню весной.
Я один покоен, ничем не выдаю себя,
как младенец, не умеющий улыбаться.
Бессильно влачащийся путник – и некуда возвращаться!

Все вокруг имеют в избытке,
Я один как будто лишен всего.
У меня сердце глупца – смутное, безыскусное!
Обыкновенные люди так скоры на суд,
Я один пребываю в неведении.
Обыкновенные люди судят так тщательно,
Я один отрешен и бездумен.
Покоен в волнении! Словно великое море.
Мчусь привольно! Словно нет мне пристанища.
У обыкновенных людей на все есть причина,
Я один прост и прям, словно неуч.

Я один не таков, как другие,
Потому что умею кормиться от Матери.

Тот, кто хочет идти великим путем, должен первым делом забыть об условностях, прививаемых воспитанием и ученостью. Мы понимаем собеседника и без книжных мудрований. Нет ничего глупее, чем ученый спор о понятиях. Не нужно уподобляться людям, которые, не умея играть на музыкальных инструментах, спорят о том, кто из них лучший музыкант, показывая друг другу ноты. Во всем даосском каноне не сказано так откровенно и с такой пронзительной силой, как здесь, что «претворение Пути», которому учили Лао-цзы и его последователи, требует особой решимости: решимости выбрать *внутреннюю* правду жизни. Даосский мудрец может казаться со стороны совсем обычным, даже неприметным человеком, ибо он все преодолевает и самый свой покой «помещает» в движение. Но он – «не таков, как другие». И вовсе не потому, что хочет блеснуть оригинальностью. Просто он живет самой бытийственностью бытия и, значит, исключительными, неповторимыми качествами существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.